

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС: 1793-94 гг.

Приведено по:

Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789-1794.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1926.

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) ©

Выступление «бешеных»: Петиция 48 секций Парижа Национальному конвенту 12 февраля 1793 г.

Из № 190 монтаньярской газеты «Парижские Революции» (голодные беспорядки 25 февраля 1793 г.)

Петиция парижского департамента Национальному Конвенту от 18 апреля 1793 г. о введении максимума

Из протокола заседания. Национального Конвента от 30 апреля 1793 г.

Из декрета 4 мая 1793 г. по продовольственному вопросу

Постановление Парижской коммуны 1 мая 1793 г. о наборе двенадцати тысяч человек

Постановление Генерального совета Парижской коммуны 3 мая 1793г. о налоге на богатых

Из закона 26 июля 1793 г. о продовольствии

Закон 29 сентября 1793 г. о максимуме

Сообщение о выполнении закона о максимуме

Из декрета 3-4 вантоза (21-22 февраля 1794 г.), дополняющего закон о максимуме

Выступление «бешеных»

Петиция 48 секций Парижа Национальному конвенту 12 февраля 1793 г.

Постановление Национального конвента, подтвердившее существование свободы хлебной торговли, вопреки предсказаниям жирондистов не только не разрешило продовольственного вопроса, но напротив того, повело к его дальнейшему обострению. Результатом этого явилось усиление недовольства парижских масс, вызывавшееся в петиции 12 февраля и голодных беспорядках конца того же месяца.

Граждане законодатели, недостаточно объявить, что мы французские республиканцы. Еще надо, чтобы народ был счастливым; еще надо, чтобы он имел хлеб, ибо там, где нет хлеба, - нет более ни законов, ни свободы, ни республики. Мы пришли представить вам новые, единодушно одобренные нашими доверителями соображения по поводу продовольственного вопроса; приводим их, чтобы вы, принимая эти предложения, приобщили им печать величия. Без боязни прогневать вас, мы приходим пролить свет на ваши ошибки и показать правду. Одним оратором было сказано вам с этой трибуны: «Если вы декретируете затруднения свободному обращению продовольственных припасов, вы декретируете голод». Но наложить узду на злоупотребления, значит ли это затруднить продовольственное дело?

Вы сетуете по поводу волнений народа, вызываемых вздорожанием продовольственных припасов; многие объясняют их бесчестным ажиотажем спекулянтов, и они правы, но их не слушают; другие же в качестве целительного средства против этих злоупотреблений указывают на необходимость надзора муниципалитетов. Но как же вы хотите заставить состоящие из торговцев муниципалитеты контролировать и выдавать самих себя? Сожалеем, что один из вас, стоящий на стороне мнимых философов, воскликнул, что для свободы было бы прискорбием видеть отбирание хлеба у земледельцев: он кричал о нарушении собственности; но ведь не отнимается же то, что продается по сходной цене.

Разве они, эти мнимые философы, эти друзья абсолютной свободы торговли, не видят, что, повышая цены на хлеб бедняка, они обогащают жадных спекулянтов? Разве не знают, что в торговле хлебом существуют злоупотребления, которые необходимо обуздать, если не хотят, чтобы народ умер с голоду? Иные ограничились предложением прибегнуть к воззваниям для наставления народа, но разве воззвания могут успокоить тех, кого мучит голод?

Граждане законодатели, поднимите хорошенько вуаль, взгляните на ужасную нищету бесчисленных семей, которые плачут в одиночестве, которые просят вас о возможности утереть свои слезы. Вы декретировали свободную торговлю хлебом, но необходимость прекращения злоупотреблений ускользнула

ускользнула от ваших попечений, вам говорилось, что невозможен хороший закон по продовольственному вопросу, но это означало бы, что после свержения тиранов невозможно управлять государствами.

Граждане, вы сошлись сюда или для нашего спасения, или для нашей гибели. Без сомнения, вы захотите спасти нас. Но если так, то вы ничего не сделаете для нашего спасения, пока не уничтожите тех, которые злоупотребляют предоставленными им законом выгодами, чтобы обогатиться за счет бедняка. Ах, кто бы стал сомневаться в существовании смерти, когда истощены все средства к жизни! Нам говорили, что хороший закон по продовольственному вопросу невозможен, но это значит, что надо потерять всякую надежду на вашу высшую мудрость!

Мы, депутаты 48 секций Парижа, мы, которые говорим во имя спасения 84 департаментов, мы далеки от того, чтобы потерять доверие к вашим просвещенным знаниям. Нет, не невозможен хороший закон, - мы его предлагаем вам, и, без сомнения, он будет освящен вашим авторитетом. Мы спрашиваем еще раз: достигли ли цели ваши постановления по продовольственному вопросу? Стало ли нам после вашего закона лучше, чем раньше, если посреди окружающего изобилия раздаются голодные вопли народа и никто не отзовется, чтобы его утешить? Выслушайте же нас без предубеждения. Мы пришли предложить вам следующие меры в дополнение к закону от 8 декабря.

1. 10 лет каторжных работ для всякого администратора-торговца.

2. Однообразная мера хлеба во всех частях республики, чтобы, таким образом, не было иной единицы намерения, кроме квинтала весом в 100 фунтов.

3. Чтобы под страхом наказания 6 годами каторжных работ на первый раз, и смертной казни - на второй, было бы воспрещено всем земледельцам и купцам продавать пшеничное зерно дороже чем по 25 ливров за мешок весом в 250 фунтов.

4. Пусть Конвент прикажет, чтобы декрет от 2 сего февраля возложивший на департаментские директории обязанность наблюдения за складами республики, выполнялся бы особенно строго в тех пограничных областях республики, где министрам будет дозволено производить закупку хлеба.

Buchez et Roux, t.XXIV, pp.263.

Из № 190 монтаньярской газеты «Парижские Революции»

голодные беспорядки 25 февраля 1793 г.

День 25 февраля повлек за собой новые бури и в будущем угрожает нам еще большими. В настоящий момент речь идет уже не о конституции и не об армии. Увы! Иные заботы отвлекают нас, к сожалению, в другую сторону и поглощают все внимание друзей родины и свободы. Угрожающие симптомы в течение уже нескольких дней предвещали нам несчастное событие; в Париже вот уже несколько дней наблюдается искусственно вызванный голод, подобно тому, как это было в 1789 г. Продажа хлеба испытывает значительные затруднения и трудность получения его вызвала слезы не одной гражданки. Мыло, которое еще месяц тому назад можно было приобрести по 14 и 16 су за фунт, теперь поднялось до 32 су, и многие прачки жалуются на отсутствие работы и на трудность заниматься своим ремеслом. Горькие жалобы раздавались уже с трибун Генерального Совета Коммуны. «Идите жаловаться к решетке Конвента», ответили им на это.

Они последовали этому совету. В воскресенье многие из петиционеров кричали: «Хлеба и мыла!» Эти крики подхватывались многочисленными, сильно оживленными группами, находившимися вне зала. Конвент выслушал все это довольно холодно и отложил рассмотрение вопроса до вторника. Это решение не только не внесло успокоения и удовлетворения, но, наоборот, еще более ожесточило всех, и женщины, возвращаясь от решетки Конвента, громко говорили в кулуарах, обращаясь к тем, кто соглашался их слушать: «Наше дело откладывают до вторника, но мы, мы откладываем лишь до понедельника. Когда наши дети просят у нас молока, мы не заставляем их ждать до послезавтра».

Установленные власти энергией своих действий могли бы исправить беспечность законодательного корпуса. Почему же они не снесли с органами исполнительной власти в 11 часов утра, вместо того, чтобы встретиться в 4 часа пополудни? Почему они, кроме, того, не вошли в сношение с Комитетом Общественной Безопасности. В этом случае могли бы быть приняты меры, единственно подходящие в этот критический момент, а именно посещение избранными народом должностными лицами главных магазинов и складов, с целью получить на месте все исчерпывающие разъяснения, касающиеся цен на такие товары, как мыло, свечи, сахар. Данные торговых книг и накладных могли бы быть сопоставлены с розничной ценой этих товаров; такса, находящая себе оправдание в серьезности настоящего момента, удовлетворила бы народ и защитила бы как оптовиков, так и розничных торговцев, соединяемых в общей ненависти к ним со стороны народа, от негодования толпы, введенной в заблуждение всякого рода подстрекателями. Издание воззвания и, прежде всего, неожиданное снижение цен на наиболее необходимые товары, избавило бы нас от того, что произошло 25 февраля.

Искусственно вызванный недостаток хлеба предыдущих дней был предвестником этого дня; с шести часов утра женщины стали собираться группами у дверей булочных, где под надзором секционных комиссаров довольно мирно производилось распределение хлеба. В восемь часов все двинулись к бакалейным и свечным лавкам. Улица Пяти Алмазов и улица Ломбардцев были осаждены первыми, и к девяти часам неприкосновенность жилища была нарушена одновременно во многих местах. Впереди шли мужчины и спрашивали у торговцев: «Есть ли у вас сахар, кофе, мыло и т. д.? Мы предупреждаем вас, что вы должны будете продавать эти товары по той цене, которую вам назначат, если только вы желаете, чтобы мы признавали вашу собственность».

Среди женщин, врывавшихся толпами в каждую лавку, в каждый склад, было, по крайней мере на первый взгляд, мало мужчин. В первую очередь бросились к складам и магазинам; многие женщины имели за поясом револьверы и не старались этого скрыть. Среди этих женщин было замечено много переодетых мужчин, которые не приняли даже предосторожности предварительно побриться. Они заставили отпускать сахар по 20 и 25 су за фунт, песок по 8 и 10 су, мыло и свечи по 12 су. Впрочем, это вовсе не значит, что все платили по этой произвольно установленной таксе; многие забирали товары, не открывая кошелек; некоторые покупатели платили столько, сколько было при них; у многих карманы были даже очень хорошо наполнены. Один бакалейщик с улицы Св. Якова, бывший один в своей лавке, вооружился ножом для защиты своей собственности; ему пришлось бы плохо, если бы в это время не прибежала его жена, держа за руки своих двух детей. Это зрелище обезоружило присутствующих. Другой торговец, живущий на острове Св. Людовика, пожелал раздать свой товар бесплатно, но с условием, что каждому будет отпущен лишь один фунт. Как это ни невероятно, его еще обвинили в обвешивании!

Было замечено, что многие очень хорошо одетые женщины, в шляпах с лентами, вешались в толпу и, пользуясь сумятицей, запасались продовольствием. Но еще более неслыханно то, что с самой маленькой лавчонкой мелочного торговца поступали так же, как и с самым большим складом. Не щадили никого, или, вернее, почти что никого (нескольких бакалейщиков-якобинцев пощадили). Во многих местах расхитили товары, употребление коих мало известно народу; корицу и ваниль, стоящую 120 ливров за фунт, покупали по 30 су; краску индиго, стоящую 30 ливров за фунт - по 20 су; по 20 же су за фунт продавали гвоздику и чай. Весь имевшийся в наличности мокко был продан по 10 су за фунт; водка, спирт и другие крепкие напитки были также разграблены; воспоминание об этом долго не изгладится у многих покупателей, ибо они пожелали попробовать все, что заставляли продавать. Во время, которое не может похвалиться изобилием, значительное количество товаров, как-то: масло, мед, и т.д. были попорчены, потоптаны ногами; они не достались никому.

Нужно отдать справедливость многим поденщикам и работницам; одним было противно не платить установленной таксы, как это делалось вокруг; другие, еще более щепетильные, оставались простыми зрителями; мы слышали мужей, говоривших своим женам, матерей - своим детям: «Я бы тебе поломал руку, если бы ты был способен присоединиться к этой компании. Нам не надо такого хлеба! Лучше обойтись совсем без сахара, чем доставать его подобным путем!» Честные прачки говорили нам, что предпочли бы лучше просить милостыню, чем стирать белье краденым мылом.

Не забудем напомнить в защиту народа, что, как это всегда бывает даже во время самых незначительных движений, а на сей раз даже значительно больше, чем обыкновенно, в его среде имелось большое количество агентов, нанятых правительствами всей почти Европы; были узнаны и задержаны многие слуги бывших священников, несколько лиц, имеющих сношение с эмигрантами и даже несколько эмигрантов и разных людей того же типа, всегда готовых поощрять и стать во главе всякой смуты.

Что же делали в это время гражданские и военные власти? Конвент около трех часов занялся этим делом с таким видом, точно это событие происходило за сто лье отсюда. Генеральный Совет Коммуны получил, по-видимому, лишь в 11 часов сведения об анархии, начавшейся в 8 часов. Мэр и прокурор Коммуны, полагая, что это лишь мгновенная вспышка, пытались подойти к нескольким группам, но были ими плохо приняты. Генеральный Совет получал каждую минуту вести одна прискорбнее другой. Много шума, много слов, и заседание было закрыто. Избранные народом чиновники идут обедать в то время, когда весь город находится во власти грабителей. Разграбили даже на их глазах склад, находящийся напротив Городской Думы.

Buchez et Roux, t.XXIV, pp.338-337.

Петиция парижского департамента Национальному Конвенту от 18 апреля 1793 г. о введении максимума

Мы являемся к вам от имени граждан парижского департамента, чтобы сообщить о наших бедах и указать на средства к их излечению. Вот уже 4 года, как нет той жертвы, которую бы за это он просит у вас хлеба. Меры, которые мы вам предлагаем, уже имеют в общественном мнении силу закона. Дело идет о неимущем классе, для которого законодатель не сделав всего - не сделал ничего.

Пусть не возражают нам ссылкой на право собственности; право собственности не может быть правом морить голодом своих сограждан. Плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям. Мы спрашивали земледельцев, - все они уверяют нас, что, Франция имеет у себя больше зерна, чем это нужно для ее потребления. Поэтому мы являемся; чтобы просить: *первое* - установления по всей Республике максимальной цены на хлеб, которая будет от двадцати пяти до тридцати ливров за сетье (12 четвериков), *второе* - уничтожения торговли зерном; *третье* - запрещения всякого посредничества между земледельцем и потребителем, и наконец, *четвертое* - общего учета всего; зерна после каждого урожая.

Buchez et Roux, t.XXVI, pp.51-52.

Из протокола заседания. Национального Конвента от 30 апреля 1793 г.

Бентаболь (депутат-монтаньяр) требует решения о том, будет ли установлена такса на зерно.

Филиппо. Речь должна идти не о таксе, вопрос заключается в том, будет ли сейчас установлен максимум, выше которого арендаторы и собственники не смогут продавать свое зерно.

Дюко (депутат-жирондист). Граждане, напрасно стараются внедрить в ваши умы разницу между таксой и максимальной ценой на зерно; таксировать съестные припасы - это значит определить их цену, это значит постановить, что она не будет подвержена понижению и завышению, вызываемому обилием или недостатком, конкуренцией или опустением рынка. Таков именно смысл сделанного вам предложения о назначении максимума на зерно, но заметьте себе, что, если этот максимум будет установлен, арендаторы и торговцу откажутся продавать свое зерно по цене ниже установленного законом максимума. Они скажут: закон назначил эту цену - мы не признаем другой; и, так как этот максимум будет, несомненно, установлен, как это и предлагает Филиппо, исходя из самой высокой сравнительной рыночной цены и самого лучшего качества зерна, то в результате получится, что вместо того, чтобы принести народу облегчение, вы на него наложите тяжелую обязанность платить за зерно и муку низшего качества цену, значительно превышающую нынешнюю.

Но есть еще некоторые простые и в то же время очень важные обстоятельства, на которые вам нужно указать в связи с предложением установить таксу или максимум, что, как я уже доказал, есть одно и то же. Прежде всего, отмечаю трудность установить цену сколько-нибудь основательную и справедливую; затем обращаю ваше внимание на возможные злоупотребления и неприятности, неизбежно вытекающие из таксы.

Устанавливая цену зерна, вы, без сомнения, захотите включить в нее, как необходимые моменты, расходы на обсеменение, на обработку, покупку скота и орудий, на транспорт, а также стоимость труда земледельца и арендатора, ибо для того, чтобы дать, вам возможность жить, они должны жить сами (*в одной части залы и на трибуне возвышающейся над крайней левой, поднимается сильный ропот*). Те, кто меня прерывает, меня плохо поняли; они оскорбили меня подозрением, будто я поднимаю свой голос в защиту человечности и справедливости. Но я совершенно не виновен в этом преступлении и, выступая здесь, исходил вовсе не из признания прав земледельцев, этого самого многочисленного, самого полезного и самого достойного класса общества. Боже упаси! Я говорю только в интересах городских потребителей и ни в чем не виновен. Итак, перед тем, как ропот принудил меня замолчать, я хотел сказать, что если установленная на зерно цена не будет, наводиться в соответствии с ценой остальных съестных припасов, расходами на обработку, с платой поденщикам, то земледelec, не извлекая никакого дохода от возделывания своей земли, перестанет ее обрабатывать, большинство полей останется в будущем году под паром и народ умрет тогда с голоду (*снова поднимается ропот; раздаются возгласы: «Долой, долой». В зале оживленное движение*).

Карра. Это разбойники, подкупленные для того, чтобы унижить и разогнать Конвент. (*Раздаются голоса: «Уйдем в другое место, или очистите трибуны»*).

Председатель (Ласурс). Я напоминаю гражданам на трибунах о том уважении, которое они обязаны иметь к национальному представительству и объявляю им, что если обсуждение будет нарушено малейшим знаком одобрения или неодобрения, то на основании наказа мною будут отданы самые строгие приказания.

Значительное количество членов. Этого недостаточно.

Гаде. Я прошу слова для предложения о порядке прений.

Несколько голосов. К порядку дня!

Значительное число голосов. Нет, нет!..

Собрание решает предоставить голос Гаде.

Гаде. Граждане! Униженное национальное представительство не имеет права существования. Всякий паллиатив, имеющий целью спасти его достоинство, является трусостью. Повторность приглашений и приказаний председателя о соблюдении порядка доказывает их бесполезность; парижские власти не хотят, чтобы вас уважали.

(В значительной части зала раздается ропот).

Граждане! Настало время прекратить вражду между всем народом и кучкой контрреволюционеров, маскирующихся патриотами. (*Снова ропот*). Я называю и имею основание называть замаскированными контрреволюционерами тех, кто не только оскорблял и унижал Национальный Конвент, но и угрожал ему; ибо чего же еще могут желать соединившиеся против нас короли и тираны, как не того, чтобы видеть нас униженными, оскорбленными и угрожаемыми? Они прекрасно знают, что при таких обстоятельствах мы не сможем дать народу конституции, а та, которую мы ему дадим, будет, по необходимости, носить отпечаток того унижения, которому нас хотят подвергнуть. Я хочу сделать предложение, которое, без сомнения возмутит всех тех, кто не имеет в сердце любви к Республике и свободе. Я предлагаю, чтобы Конвент постановил, что в понедельник заседание будет происходить в Версале.

(Часть собрания поднимается с криками: «Правильно, правильно, на баллотировку предложение Гаде». Ропот другой части собрания покрывает эти восклицания).

Левассер. Предлагаю очистить трибуны.

Вижье. Я полагаю, что отложить на понедельник наш отъезд в Версаль - это значит дать злоумышленникам возможность ему помешать. Я считаю предложение Гаде недостаточным и требую, чтобы при малейшем проявлении ропота трибун, мы поднялись и отправились в Версаль с саблями в руках.

(Вносится предложение голосовать предложение Гаде. Шум все возрастает. Председатель надевает шляпу. Спустя некоторое время ему удается восстановить спокойствие и он возобновляет заседание. Многие члены требуют очищения трибун).

Дантон. Мы все согласны в том, что национальное достоинство требует, чтобы ни один гражданин не мог оказать неуважения народному представителю, излагающему свое мнение; мы все согласны в том, что в данном случае имело место выражение неуважения и что виновные должны быть наказаны, но это наказание должно пасть на одних только виновных. Вы хотите быть суровыми и справедливыми - прекрасно.

(На правой стороне поднимается ропот; Дантон сходит с трибуны. Некоторые члены предлагают ему внести свои поправки. Граждане, бывшие на той трибуне, очищение коей было потребовано, уходят и приглашают сидящих на других трибунах последовать за ними. На трибунах царит сильное возбуждение. Со всех концов зала горячо требуют принятия предложения Левассера. Оно принимается).

Дюко. Беспорядочный шум, который помешал мне изложить свое мнение, происходит не только от обычных причин, т.е. беспорядка и неуважения, обуревающих трибуны этого собрания, но также и от ошибочных идей и внедрившихся предрассудков большинства граждан Парижа в вопросе о продовольствии; предрассудков, говоря между прочим, внушенных деспотизмом, когда он в свое время давал народу дешевый хлеб для того, чтобы в свою очередь дешевой ценой приобрести его молчание и покорность. Да, граждане, здесь не бесполезно будет отметить, что учение, которое я проповедую, было всегда учением просвещенных друзей свободы, а то учение, с которым я борюсь, - вся эта система пут, стеснений, таксации, учета, домашних обысков, штрафов, судов и так далее, - заставляет вспомнить об интендантах, парламентах, государственных советах, о всех агентах и подагентах старого режима.

Итак, я сказал, что такса, чтобы быть справедливой, должна соответствовать массе различных расходов, а также и заработной плате, а беспрестанно меняющиеся размеры этих затрат должны, в свою очередь, заставлять ежедневно изменять и самую таксу. Только торговля, и притом свободная торговля, может следовать за всеми колебаниями этих расходов.

Парижский народ, очевидно, воображает, что хлеб растет на полях, как трава в степи, но в собрании, украшенном присутствием многих сельских хозяев, должны быть более правильные представления о земледелии. Известно, что цена хлеба увеличивается в соответствии с ценами на другие съестные припасы и с издержками, которые нужно предварительно понести для того, чтобы снять хлеб. Например, раньше, чем посеять зерно нужно возделывать землю, но для этого нужны быки или лошади. Но лошадь, которая три года тому назад стоила 300 ливров, стоит теперь 1.200 или даже 1.500 ливров. Так неужели же ваша такса будет следовать за этим ужасающе непрерывным ростом?

Если бы сапожнику предложили таксировать башмаки в 6 франков, то он бы ответил: «цена кожи удвоилась, поденная плата моих рабочих, несколько лет тому назад равнявшаяся 50 су, в настоящее время составляет 4 ливра; я не могу сделать вам башмаки меньше, чем за 12 ливров пара; заплатите эту цену или я откажусь от своего ремесла».

Если бы вы предложили портному заплатить ему за костюм только 90 ливров, он бы ответил вам: «Сукно три года тому назад стоило 36 ливров за локоть, теперь оно стоит 60, заработная плата рабочих удвоилась; извольте же заплатить мне за костюм 180 ливров или вы его не получите совсем».

Земледелец может в свою очередь сказать: «Назначьте таксу в разумной пропорции на все съестные припасы, главнейшие изделия промышленности, на все мои издержки и работы, или же не назначайте таксы на продукт моего труда».

Итак, если вы хотите установить твердую цену на зерно, то следует таксировать все - это единственный способ установить соответствие между ценой вещей и заработной платой. Но это соответствие установится гораздо лучше силой вещей, чем при помощи ваших вычислений, ибо общественный обмен всегда правилен, когда он свободен и является плодом взаимных интересов и результатом их столкновений. Между тем, то, что навязано силой, часто является несправедлив, ибо законодатель не видит всего, тогда как частный интерес не забывает ничего. Отсюда следует, что лучше не устанавливать таксы.

Я представляю на усмотрение парижских граждан одно очень простое соображение по поводу бессмысленности такс и, чтобы сделать его более понятным, я облеку его в форму примера. Хлеб стоит в настоящее время в Париже 3 су за фунт. Если назначить таксу на хлеб, исходя из этой цены, которую я считаю ценой нормальной и обыкновенной, то народ при этом ничего не выиграет и все останется по-старому. Если же на хлеб будет назначена более высокая такса, то его цена поднимется, а народ, вместо того, чтобы получить облегчение, будет еще более отягощен. Если же вы назначите более низкую таксу, то фермеры и торговцы, не видя при существовании этой цены возможности покрывать свои расходы, припрячут принадлежащее им зерно в ожидании того времени, когда такса будет повышена или совершенно отменена. Это неизбежно повлечет за собой голод. Таким-то образом люди, пренебрегая принципами свободы, неизбежно действуют во вред поставленной ими себе цели.

Но, скажете вы, можно заставить фермеров, доставлять их зерно на рынок. Я не буду уже говорить о тираническом характере этой меры, а попрошу вас лишь обратить внимание на ее неудовлетворительность. Нет ничего столь трудного, как заставить человека разориться; если есть какой-нибудь тайный способ, чтобы избежать этого, будьте уверены, что он его найдет. Как ни будут запретительные законы суровы, частный интерес всегда окажется более гибким. Приказ доставлять зерно на рынок будет ни чем иным; как уведомлением о том, чтобы прятать его более тщательно. Если вы станете прибегать к конфискациям, домашним обыскам, если вы возобновите действие устава о налогах, то вас будут еще более ненавидеть и еще более обманывать, вот и все. В то же самое время недостаток продовольствия заставит самого потребителя тайно, по соглашению с торговцем, установить более высокую таксу, чем та, которая установлена законом. Таким образом, такса фактически будет уничтожена, а потому ее и не следует совсем устанавливать.

Мне могут заметить, что дело идет лишь о революционной мере, о временной таксе - я на это отвечу, что я одобряю революционные меры, дающие возможность жить, но не те, которые заставляют умирать с голоду. Я прибавлю еще и другое соображение: вы хотите временную таксу - прекрасно, но она ведь пойдет на пользу одному только богатому. Бедный, который покупает свой хлеб изо дня в день, будет извлекать пользу из таксы только до тех пор, пока она существует; если же вы ее затем уничтожите, или, если непрерывное повышение цен на другие продукты заставят вас ее повысить, он будет вынужден оплачивать, свое пропитание в соответствии с вздорожанием. Напротив того, богатый, извлекая выгоду из установления таксы, заключающуюся в том, что он на имеющиеся у него деньги сделает значительный запас по умеренной цене, перепродает затем свое зерно, чтобы воспользоваться увеличением пены. В крайнем случае, он будет иметь хлеб, гораздо более дешевый, чем человек без капитала. Заклятые враги скупщиков, будьте осторожны, предлагаемая вами мера благоприятствует всем их проделкам!

Из этого, очень неполного, изложения вытекает, что вовсе не в таксе и не в запретительных мерах следует искать лекарство против вздорожания и явного недостатка продовольствия, а в уничтожении самой причины, порождающей это вздорожание и недостаток. Причина же заключается, и в этом пункте мы сходимся почти все, - в выпуске бумажных денег для покрытия издержек на ведение войны, заставившей нас увеличить выпуск денежных знаков в большом количестве. Почему съестные припасы увеличились в цене? Потому, что в обращении находится слишком много ассигнаций. Совершенно излишне доказывать это очевидное положение. И заметьте, что изобилие бумажных денег в обращении не то же самое, что изобилие золотой и серебряной монеты. Когда золота и серебра появляется слишком много - его начинают вывозить за границу либо в монете, либо переплавив его в слитки. Соответствие между действительной стоимостью и номинальной не успевает быть нарушенным; бумажные же деньги не вывозятся - они отделены от своего залога, они не являются в одно и то же время я товаром и деньгами. Ложные представления иностранцев о нашей революции не дают им возможности понять, что наши ассигнации являются неизменной закладной на недвижимость, и поэтому трудно расширить их обращение за границей. На вас лежит обязанность найти средства для уменьшения этой обращающейся денежной массы. Наш финансовый комитет намечает для этого несколько средств: я прошу, чтобы его выслушали; первенство принадлежит по праву его проекту, ибо он предлагает средства уменьшить цены на съестные припасы, с необходимостью чего мы все согласны, в то время, как запретительные меры встречают в этом собрании очень сильные возражения...

Из декрета 4 мая 1793 г. по продовольственному вопросу

Национальный Конвент, заслушав доклад соединенных комитетов земледелия и торговли, декретирует нижеследующее:

Ст. 1. Немедленно после опубликования настоящего декрета все купцы, земледельцы или собственники зерна обязаны довести до сведения муниципалитетов мест их жительства о количестве и сорте имеющегося у них зерна и муки и о приблизительном количестве зерна, которое им остается обмолотить. Директории дистриктов назначат комиссаров для наблюдения за выполнением этой меры в различных муниципалитетах.

Ст. 2. По истечении восьми дней после декларации этих сведений, муниципальные чиновники, или же граждане, специально назначенные ими на этот предмет, произведут проверку сделанных деклараций и составят соответствующие описи.

Ст. 3. Муниципалитеты безотлагательно перешлют директориям их дистриктов описи объявленного и проверенного зерна и муки. Директории дистриктов немедленно перешлют сводку этих сведений директориям департаментов, которые, составив общую таблицу, перешлют ее министру внутренних дел и Национальному Конвенту.

Ст. 4. Муниципальным чиновникам предоставляется право производить по постановлению Генерального Совета. Коммуны домашние обыски у граждан, имеющих зерно или муку, но не сообщивших об этом в порядке, указанном в ст. 1 или же подозреваемых в том, что они сделали ложное сообщение.

Ст. 5. Граждане, не сделавшие деклараций предписанных ст. 1 или давшие неверные сведения, будут наказаны конфискацией в пользу бедных Коммуны того количества муки или зерна...

Ст. 6. Под страхом штрафа размером от 300 до 1.000 ливров, налагаемого солидарно как на продавца, так и на покупателя, мука и зерно могут продаваться только на тех общественных рынках или в тех портах, где их обычно продают.

Ст. 7. Тем не менее граждане имеют право запастись продовольствием у земледельцев, торговцев или собственников зерна их кантона по представлении удостоверения муниципалитета места их жительства о том, что они не ведут торговли зерном и что предполагаемое ими к покупке количество, указанное в удостоверении, необходимо им самим для потребления в течение не более одного месяца, Муниципалитеты обязаны вести реестр этих удостоверений с номерами, соответствующими номерам, указанным в удостоверениях.

Ст. 8. Директории департаментов уполномочены, согласно сообщениям директорий дистриктов, устраивать рынки в тех местах, где они найдут это нужным, но без права уничтожения рынков, уже существующих в настоящее время.

Ст. 9. Административные и муниципальные учреждения равным образом уполномочены, каждое в своем округе, требовать, чтобы всякий торговец, земледelec и собственник зерна и муки доставлял их на рынок в количестве, достаточном для прокормления населения.

Ст. 10. Эти же учреждения имеют право требовать рабочих для обмолачивания зерни в случае отказа сделать это со стороны фермеров или собственников.

Ст. 11. Директории департаментов должны пересылать требования о реквизициях директориям округов, а эти последние муниципалитетам, которые обязаны безотлагательно их исполнить.

Ст. 12. Никто не в праве отказываться от, наложенной на него реквизиции, если он не докажет, что у него имеется зерно или мука лишь в количестве, необходимом для собственного употребления до нового урожая. Количество зерна и муки, превышающее его потребности или потребности его работников, арендаторов, поденщиков и жнецов, подлежит, в случае отказа от выполнения реквизиции, конфискации.

Ст. 13. Временный Исполнительный Совет уполномочен под надзором Комитета Общественного Спасения принимать все меры, признанные необходимыми для обеспечения снабжения Республики продовольствием.

Ст. 14. Министр внутренних дел уполномочен обращаться к департаментам, в которых окажутся излишки продовольствия, с требованием о реквизиции таковых для снабжения продовольствием тех департаментов, в которых окажется недостаточное количество съестных припасов.

Ст. 15. Каждый гражданин, желающий производить торговлю зерном или мукой, обязан заявить об этом муниципалитету по месту своего жительства. Ему будет выдано свидетельство установленной формы, которое он будет обязан предъявлять всюду, где он будет делать закупки, при чем чиновники рыночной полиции обязуются делать на полях этих свидетельств надписи о количестве приобретенного зерна или муки.

Ст. 16. Все оптовые торговцы или же имеющие лавки для продажи зерна или муки обязаны иметь записи своих покупок и продаж с показанием лиц, которым продали и у которых они купили.

Ст. 19. Правительственные агенты по снабжению армии и флота, комиссионеры по закупке зерна как от административных учреждений, так и муниципалитетов, подчиняются этим же самым формальностям.

Ст. 20. Поименованным в предыдущей статье, лицам категорически воспрещается под угрозой конфискации и штрафа, который не может быть менее стоимости конфискованных у них зерна или муки и не должен превышать десяти тысяч ливров, вести торговлю означенными продуктами.

Ст. 21. Равным образом всем чиновникам, под страхом смертной казни, воспрещается принимать прямо или косвенно участие в торговле на рынках.

Ст. 23. Законы, относящиеся к свободному обращению зерна и муки, сохраняются в силе, и этому обращению не должно быть поставлено никаких помех и преград, за исключением формальностей, предписанных настоящим законом.

Ст. 24. Муниципалитеты должны, внимательно наблюдать за поддержанием порядка и тишины на общественных рынках.

Ст. 25. Для установления максимума цен на зерно в пределах каждого департамента, директории дистриктов обязаны сообщать директориям своих департаментов, таблицы справочных цен на рынках их округа с 1 января по 1 мая сего года. Полученная на основании этих таблиц средняя цена, по которой каждый сорт зерна продавался в указанный промежуток времени, составит тот максимум, выше которого цена зерна не должна повышаться.

Директории департаментов объявят о максимуме в постановлениях, которые вместе с таблицами, послужившими для них основанием, будут отпечатаны и разосланы во все состоящие в их ведении муниципалитеты для публикации и расклейки на стенах, а равным образом будут препровождены министру внутренних дел.

Ст. 26. Установленный, таким способом максимум будет понижаться в следующей пропорции: к 1 июня он будет уменьшен на 1/10; к 1 июля остающаяся цена будет понижена еще на 1/20, к 1 августа на 1/30 и к 1 сентября на 1/40.

Ст. 27. Граждане, уличенные в покупке или продаже зерна или муки выше установленного максимума, подвергаются наказанию путем конфискации означенных продуктов, если таковые еще находятся в их распоряжении, и штрафу, который не может быть менее 300 ливров и выше 1.000, налагаемому солидарно на продавца и покупателя.

Ст. 28. Все уличенные в том, что они злостно и с намерением испортили, погубили или спрятали зерно или муку, подлежат смертной казни.

Ст. 29. Из имущества уличенных в означенном преступлении будет предоставлена награда в 1.000 ливров тому, кто на них донесет.

Ст. 30. Муниципалитеты, таможенные служащие и прочие приставленные к этому лица, будут строго - под их личной ответственностью - наблюдать за выполнением законов против вывоза зерна и муки за границу.

Ст. 31. Настоящий декрет должен быть разослан через экстренных курьеров по всем департаментам.

Buchez et Roux, t. XXVI, pp. 348-347.

Постановление Парижской коммуны 1 мая 1793 г. о наборе двенадцати тысяч человек

После торжественного одобрения Национальным Конвентом и согласия большинства секций Парижа с постановлением департамента Эро [Департамент Эро предложил произвести набор рекрутов для отправки их в Вандею, а для покрытия расходов по мобилизации произвести принудительный заем у богатых], касательно набора войск для отправки в Вандею, Генеральный Совет Коммуны, созданный на чрезвычайное заседание, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Будет сформирован армейский корпус из двенадцати тысяч человек, с которым выступят три члена Генерального Совета Коммуны, а равно и несколько членов департамента. Корпус будет организован следующим образом:

Ст. 2. Каждый отряд национальной гвардии, составленный из ста двадцати шести человек, обязан выделить четырнадцать человек.

Ст. 3. Выбор этих лиц будет произведен комитетом, состоящим из шести членов революционного комитета данной секции и одного члена Генерального Совета Коммуны, не являющегося членом данной секции.

Ст. 4. Означенные шесть членов мобилизационного комитета будут избраны на общем собрании комитетов гражданского и надзора каждой секции из числа членов этого собрания.

Ст. 5. Комитеты должны быть образованы 14 мая и в этот же день им должны быть представлены капитанами соответствующих отрядов списки гвардейцев этих отрядов.

Ст. 6. Командиры, адъютанты и капитаны вооруженных отрядов секций будут ответственны за исполнение нижеследующей статьи.

Ст. 7. Они должны указать в течение дня граждан, к которым, по их мнению, должны быть направлены требования о мобилизации для экспедиции в департамент Вандею и они должны им немедленно объявить об этом. Генеральный Совет предоставляет на усмотрение мобилизационных комитетов призывать и тех граждан, которые не внесены в списки отрядов. Излишне указывать, что члены мобилизационных комитетов должны в своем выборе следовать правилам строгой справедливости, предписывающей выбирать только граждан, кратковременное отсутствие коих причинит менее всего неудобств. Вследствие этого могут быть забраны все неженатые служащие существующих в Париже контор, за исключением заведующих и их помощников; клерки нотариусов и адвокатов, служащие банкиров, купцов и проч. в нижеуказанной пропорции.

Из каждых двух человек отправится один, из трех - двое, из четырех - двое, из пяти - трое, из шести - трое, из семи - четверо, из восьми - четверо и т.д.

Те из конторских служащих, которые будут мобилизованы, сохраняют за собой свои места и одну треть своего жалованья, ни один из них не может отказаться от призыва. Общественные чиновники, избранные народом, не могут быть отвлечены от своих обязанностей.

Ст. 8. Списки набранных граждан будут прибиты к стене в помещении общего собрания секции и отосланы в Генеральный Совет Коммуны.

Ст. 9. Завербованные граждане должны сообщить мобилизационному комитету обо всем, чего им недостает из одежды, снаряжения и вооружения. Мобилизационные комитеты немедленно сообщают об этом в бюро Коммуны.

Ст. 10. Комиссары займутся также прочими приготовлениями к отправке с тем, чтобы по первому приказу генерала каждый гражданин был бы готов к выступлению.

Постановление Генерального совета Парижской коммуны 3 мая 1793 г. о налоге на богатых

Генеральный Совет Коммуны, постановив произвести набор двенадцати тысяч человек для того, чтобы придти на помощь нашим братьям в департаменте Вандеи и желая озаботиться приисканием средств, необходимых как для самого набора, так и для помощи матерям, женам и детям тех из наших братьев, которые выступают против мятежников, постановляет произвести заем в двенадцать миллионов на следующих основаниях.

Ст. 1. Революционным комитетам секций, к которым будет прикомандирован один член Генерального Совета Коммуны, будет поручено произвести эту операцию.

От. 2. Комитеты немедленно открывают запись граждан, желающих сделать добровольно взносы.

Ст. 3. На третий день они отправят предписание об уплате тем из состоятельных граждан, которые не сделали добровольных взносов или же сделали взносы в меньшем размере, чем они были в состоянии сделать.

Ст. 4. Обложению подлежит предполагаемый чистый доход от имущества, как недвижимого, так и движимого, и от промыслов.

Ст. 5. Фамилии граждан, сделавших добровольные взносы в достаточном размере или же в размере, превышающем их средства, будут внесены в протоколы Генерального Совета Коммуны.

Ст. 6. Революционные комитеты примут к сведению, для руководства своими действиями, списки налогоплательщиков, но они не обязаны непременно основываться на них.

Ст. 7. Революционные комитеты должны обратить особое внимание на то, чтобы не облагать имущества тех граждан, о которых известно, что их дохода хватает лишь на самое необходимое.

Ст. 8. Так как невозможно определить необходимое для каждого гражданина в отдельности, то как среднее необходимое будет считаться: для отца семейства - 1.000 ливров, для каждого из прочих членов семьи по 1.000 ливров. Таким образом, среднее необходимое для семьи, состоящей из отца, матери и четырех детей будет 6.500 ливров.

Ст. 9. При установлении подлежащих взиманию сумм, определяемых на основании той лишь части предполагаемого дохода, которая превосходит среднее необходимое, комитеты будут руководствоваться принципом возрастающей прогрессии в следующем порядке:

Облагаемый излишек	Подлежащая внесению сумма	Остающийся излишек
От 1.000- 2.000 ливров	30 ливров	1.970 ливров
» 2.000 - 3.000 »	50 »	2.750 »
» 3.000 - 4.000 »	100 »	3.900 »
» 4.000 - 5.000 »	300 »	4.700 »
» 5.000 - 10.000 »	1.000 »	9.000 »
» 10.000 - 15.000 »	2.250 »	12.250 »
» 15.000-20.000 »	5.000 »	15.000 »
» 20.000-30.000 »	10.000 »	20.000 »
» 30.000 - 40.000 »	16.000 »	24.000 »
» 40.000-50.000 »	20.000 »	30.000 »

Ст. 10. Все те, облагаемый излишек которых превосходит 50.000 ливров, сохраняют для себя 30.000 ливров и уплатят весь превышающий эту сумму доход.

Ст. 11. Взимаемые суммы должны быть внесены в кассы сборщиков налогов, который, для этой цели заведут особые книги, произведут сбор сумм, следуемых по обложению, и выдадут в том квитанции.

Ст. 12. Платежи могут быть производимы не только ассигнациями, но и товарами в виде одежды, предметов обмундирования и вооружения, стоимость которых будет установлена комитетами по обложению.

Ст. 13. Первая треть подлежащей уплате суммы должна быть уплачена по истечении 24 часов; вторая треть - по истечении 15 дней и, наконец, третья - по истечении месяца.

Ст. 14. Движимые и недвижимые имущества тех, кто не примет совершенно участия в патриотическом обложении, подлежат аресту и продаже по требованию революционных комитетов, а владельцы этих имуществ будут рассматриваться, как подозрительные.

Buchez et Roux, t.XXVI, pp.390-400.

Из закона 26 июля 1793 г. о продовольствии

Национальный Конвент, принимая во внимание все зло, причиняемое барышниками посредством зловредной спекуляции на самых насущных нуждах и на общественной нищете, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Барышничество является тяжким преступлением.

Ст. 2. Виновными в барышничестве признаются те, кто, изъемя из оборота предметы или припасы первой необходимости, портят их и держат их спрятанными в каком-либо месте, не выпуская их ежедневно и открыто в продажу.

Ст. 3. Барышниками признаются равным образом и те, кто сами уничтожают или добровольно допускают уничтожение съестных припасов и предметов первой необходимости.

Ст. 4. Предметами первой необходимости признаются: хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, масло, уксус, сидр, водка, уголь, соль, дрова, наело растительное, сода, мыло, сало, мясо; рыба сушеная, копченая, соленая или маринованная, мед, сахар, бумага, пенька, шерсть, тонко обработанная и грубая, кожа, железо и сталь, медь, сукно, холст и вообще все ткани и все сырые материалы, идущие на выделку тканей, за исключением шелковых.

Ст. 5. В течение 8 дней, следующих за распубликованием настоящего закона, все имеющие в каком бы то ни было месте Республики на складе какие-либо из товаров или съестных припасов, перечисленных в предыдущей статье, обязаны заявить об этом в муниципалитет или секцию, на территории которой расположен склад названных товаров или съестных припасов. Муниципалитет или секция проверит через назначенного для сей цели комиссара наличие, род и количество товара, находящегося на складе. Муниципалитеты и секции уполномочены назначать этим комиссарам вознаграждение, соответствующее возложенным на них обязанностям, размеры коего должны быть установлены на общем собрании муниципалитета или секции.

Ст. 8. Спустя восемь дней после обнародования настоящего закона все, не сделавшие предписанного заявления, будут считаться барышниками и, как таковые, наказаны смертью, имущества их будут конфискованы, а входящие в их состав съестные припасы и товары - распроданы.

Ст. 9. Смертной казни будут подвергнуты, равным образом, и те, кто будут уличены в даче ложных показаний, и те, кто, присвоив себе вымышленное имя, будут выдавать себя за других лиц или представляют подложные документы, касающиеся принадлежности складочных мест и товаров. Общественные чиновники и комиссары, назначенные для наблюдения за продажей, кои будут уличены в злоупотреблении своим положением с целью оказания содействия барышникам, будут, равным образом, подвергнуты смертной казни.

Ст. 10. Оптовые торговцы, хранящие свои товары в тюках или бочках и розничные торговцы, имеющие магазины, лавки, амбары, ежедневно открытые для покупателей, обязаны по истечении восьми дней со дня опубликования настоящего закона вывесить снаружи своих магазинов, амбаров или лавок, объявления, указывающие род и количество товаров и съестных припасов первой необходимости, которые в них находятся, а также и имя владельца. В случае невыполнения этого, они будут считаться барышниками. Фабриканты обязаны под страхом того же наказания объявить о роде и количестве сырых материалов, имеющихся в их мастерских: и доказать их назначение.

Ст. 11. Поставщики армий, не подходящие под понятие купцов и лавочников, о которых говорится в предыдущей статье, должны представить в свои муниципалитеты или секции выписки, из договоров, которые они заключили с Республикой. Они должны указать, какие закупки они на основании этих договоров сделали и какие магазины или склады они устроили. Если будет доказано, что по содержанию договора устройство названных складов и магазинов не является обязательным и что находящиеся в них товары первой необходимости или съестные припасы не предназначены для армии, то те, кто эти магазины и склады устроил, будут считаться барышниками.

Ст. 12. Всякий гражданин, который донесет о барышничестве или о каком-либо нарушении настоящего закона, получит одну треть товаров или припасов, подлежащих конфискации; другая, треть будет распределена среди неимущих граждан того муниципалитета, на территории которого находятся те предметы, относительно которых сделан донос и, наконец, последняя треть должна пойти в пользу Республики. Тот, кто донесет о сознательно уничтоженных товарах или припасах, получит вознаграждение, соответствующее важности доноса. Доход, вырученный от конфискации, в силу настоящего закона, всех прочих припасов и товаров, будет разделен пополам между нуждающимися гражданами муниципалитета, произведшего названную конфискацию, и Республикой.

Ст. 13. Приговоры, вынесенные уголовными судами в силу настоящего закона, не подлежат апелляции. Особый декрет Национального Конвента или Законодательного Корпуса укажет время прекращения действия этого закона.

Ст. 14. После того, как настоящий закон будет доведен до сведения установленных, властей, они распорядятся об оглашении его во время публичных заседаний, расклеят его и объявят при барабанном бое, дабы никто не мог отговариваться его неведением.

Buchez et Roux, t.XXVIII, pp.367-371.

З а к о н 29 сентября 1793 г. о м а к с и м у м е

Национальный Конвент, заслушав доклад своей комиссии по выработке закона о назначении максимума цен съестных припасов и товаров первой необходимости, декретирует нижеследующее.

Ст. 1. Предметы, представляющие, по мнению Национального Конвента, первую необходимость и для которых он считает нужным установить максимум или наивысшие цены, - суть: мясо свежее, солонина и свиное сало, масло коровье, масло растительное, живой скот, соленая рыба, вино, водка, уксус, сидр, пиво, дрова, древесный уголь, каменный уголь, сальные свечи, гарное масло, соль, сода, мыло, поташ, сахар, мел, белая бумага, кожа, железо, чугун, свинец, сталь, медь, пенька, лен, шерсть, материи, полотно, сырой фабричный материал, сабо, башмаки, сурепица и репа, табак.

Ст. 2. Максимальной ценой дров первого сорта, равно как и угля древесного и каменного, является цена, существовавшая в 1790 г. плюс одна двадцатая ее часть. Закон от 19 августа об определении цен на топливо, уголь торф департаментами отменяется.

Максимум или наивысшая цена листового табака - 20 су за фунт; курительного табака - 10 су, соли - 2 су, мыла - 25 су.

Ст. 3. Максимальными ценами всех других съестных припасов и товаров первой необходимости, перечисленных в ст. 1-й, будут на всем протяжении Республики и вплоть до 1 сентября следующего года - те цены, которые существовали на них в 1790 г. согласно данным меркуриальных регистров [таблицы справочных цен, составлявшиеся по распоряжению городских властей] или департаментских преysкурантов с прибавлением, сверх того одной третьей их части за вычетом казенных и всяких других сборов, коим тогда они были подвержены, под каким бы наименованием таковые ни существовали.

Ст. 4. Таблицы максимальных или наивысших цен всех съестных припасов, перечисленных в ст. 1-й, будут составлены и расклеены администрацией каждого дистрикта в течение недели по получении настоящего закона и пересланы в департамент.

Ст. 5. Генеральный прокурор-синдик каждого департамента в течение ближайших двух недель обязан сообщить эти таблицы во Временный Исполнительный Совет и в Национальный Конвент.

Ст. 6. Комиссары Национального Конвента обязуются смещать прокуроров коммун, прокуроров-синдиков и генеральных прокуроров-синдиков, которые в указанный срок не выполняют возложенных на них предшествующими статьями обязанностей.

Ст. 7. Все те лица, которые продадут или купят товары, пере численные в ст. 1-й, выше максимума, установленного и опубликованного в каждом департаменте, уплачивают в административном порядке денежную пеню в двойном размере против стоимости проданного предмета, идущего в пользу доносчика. Эти лица будут внесены в списки подозрительных и преследуемы, как таковые.

Покупатель не подвергается указанному взысканию, если он объявит о нарушении закона продавцом. Каждый же купец обязан иметь в своей лавке таблицу с указанием максимальных или наивысших цен его товаров.

Ст. 8. Максимум или наивысший размер заработной платы, жалованья, сдельной или поденной работы со времени опубликования этого закона и до сентября следующего года повсеместно устанавливается Генеральными Советами Коммун в тех размерах, какие существовали в 1790 г., с прибавлением сверх того еще половины этой цены.

Ст. 9. Муниципалитеты могут объявлять мобилизованными и в случае надобности наказывать тремя днями ареста тех ремесленников, рабочих и представителей всех возможных видов труда, которые без уважительных причин будут отказываться от занятия их обычной работой.

Ст. 10. Административные власти обязуются наблюдать за правильностью порубки дров, равно как и за их отправкой.

Ст. 11. Муниципалитеты наблюдают за упорядочением перевоза и обмера.

Ст. 12. Цены съестных припасов и товаров, определенные выше максимума в торговых, комиссионных и запродажных сделках, заключенных правительством или совершенных от его имени через его агентов, будут впредь до изменения низведены до максимума в отношении всех съестных припасов и товаров, которые не погружены и доставлены в обычном порядке в кладовые Республики до дня издания настоящего декрета, или же не будут снаряжены и отправлены в путь до этого дня.

Упомянутые торговые сделки, комиссии и запродажи должны быть выполнены так же, как и заключенные на условиях ниже максимальных, так же, как они должны были быть выполнены до издания настоящего декрета.

Ст. 13. В 24 часа, следующих за опубликованием настоящего декрета, администраторы, управители, комиссионеры и их доверенные и все без исключения, кому будут поручены закупка и запродажа, распоряжения об уборке в склады и приемка, включая и тех, кто будет производить отправку, обязуются явиться в главные - по месту своего нахождения - муниципалитеты кантона для учинения на каждом листе собственноручной, расписки; последняя же страница скрепляется мэром или первым муниципальным чиновником прокурором коммуны или его заместителем, а в Париже - председателем и секретарем секции Рынков, - будут ли это комиссии, торговые и деловые книги, или закупочные и приемочные листы, кладовые и накладные ведомости. Не облеченные же этой формальностью бумаги отнюдь не могут быть пригодными для упрочения поставок, приемок или отправок, предшествовавших появлению настоящего декрета.

Ст. 14. Заключившие таковые агенты Республики, включая сюда и военных комиссаров, которые внесут или допустят внесением задним числом обозначение съестных припасов и товаров в книгах, листах или ведомостях приемки, уборки в склады или отправки временем, предшествовавшим появлению настоящего декрета, будут судимы и принуждаемы путем личного задержания к уплате денежной пени, равной обозначенной сумме. Одна половина этой пени поступит в пользу Республики, а другая - доносчика; сверх того, виновные будут караться 10 годами каторжных работ.

Ст. 15. То же самое взыскание будет применено к муниципальным должностным лицам, председателям и секретарям, которые будут изобличены в ложном указании даты расписок и скреп, указанных в ст. 14-й; и они также будут подвергаться уплате денежной пени.

Ст. 16. Постановления ст. ст. 12 и 13 о подведении под максимум съестных припасов и товаров, еще не сданных или не отправленных в путь, и о мероприятиях для подтверждения поставки или отправки, будут применяться и к сделкам и запродажам, заключенным между частными лицами, причем в случае выставления должностными лицами заднего числа - они подвергаются взысканиям, указанным в ст. 15.

Ст. 17. В течение войны запрещается вывоз через все границы товаров и съестных припасов первой необходимости, под каким бы наименованием и условием он не имел места, за исключением только соли.

Ст. 18. Указанные в предыдущей статье предметы, направленные за границу и схваченные при нарушении закона в расстоянии 2 лье по сю сторону границы и без таможенного билета от муниципалитета с места жительства возчика, будут конфискованы вместе с повозками, упряжью или же перевозочными судами в пользу тех, кто их задержит; а преступившие закон собственники и возчики будут караться 10 годами каторжных работ.

Ст. 19. Для того, чтобы экипажи нейтральных или свободных судов не злоупотребляли правом гостеприимства, увозя припасы и провиант городов и приморских местечек сверх своих потребностей, они обязаны обращаться в муниципалитеты, которые сделают распоряжение о приобретении для них всего, что им будет необходимо.

Ст. 20. Настоящий декрет вводится в действие путем сообщения его на места с особым нарочным.

Buchez et Roux, t.XXIX, pp.11-14.

Сообщение о выполнении закона о максимуме:
Народный представитель в Лионе и Тулоне. Вилль-Аффранш
Лион, 5-й день 2-го месяца II года (26 октября 1793 г.)

Коллеги!

Подгоняемый в дороге желанием поскорее прибыть на место моего назначения, я мог окинуть лишь беглым взглядом те несколько, департаментов, через которые я проезжал; но так как взгляд патриота не безрезультатен, то я мог узнать такие вещи, которые и вам важно знать.

Прежде всего, для меня явилось несомненным, по полученным мною сведениям и по самому горестному опыту, что искусственно созданный голод опустошал ту часть Республики, которая простирается от Парижа до Вилль-Аффранш.

Повсюду я видел народ, занятый поисками хлеба в виду недостатка его в разных местах, да и то небольшое количество его, которое он может получить и съесть, весьма плохого качества; мне самому пришлось три раза испытать невозможность найти хлеб как на постоянных дворах, так и у содержателей почтовых лошадей; максимум цен на зерно, жадность хлебопашца, злонамеренность аристократов и эгоистов и продовольственное снабжение армии, достигающее колоссальных размеров, - вот причины тому. Обстоятельства, в которых мы находимся, требуют, чтобы были приняты самые спешные и самые надежные меры, чтобы отстранить и ослабить тот бич, который мог бы нанести весьма чувствительные удары Республике. Я осведомляю вас, коллеги, и рекомендую вам позаботиться об этом важном вопросе.

С большой скорбью, коллеги, увидел я действие, произведенное общим законом о максимуме на цены всех необходимых для жизни предметов во всех тех местах, через которые я проезжал. Бели бы этот закон был хорошо задуман, хорошо отредактирован и хорошо выработан в своих деталях, он мог бы иметь хорошие результаты; но таков, как он есть, он должен по необходимости повлечь за собою гибельные последствия. Прежде всего он распространяется на слишком большое число предметов; во-вторых, он не допускает никаких различий между предметами одного и того же рода, но различной стоимости; в-третьих, он разоряет мелкого торговца, благоприятствует жадности богача-эгоиста, запасающегося решительно всем, между тем как бедняк, не имеющий свободных средств, ничего не выигрывает, кроме кое-каких лакомств для своей минутной утехы.

Он изложен так, что розничный торговец, не будучи в состоянии получить даже законного барыша, перестает запасаться всем и оставляет свою профессию.

Почти повсюду я нашел недостаток предметов, самых необходимых для жизни, обезлюдившие и пустые рынки и много закрытых лавок. Вы с трудом получите самый скромный обед в гостиницах, и лицо почти также трудно найти, как быка.

Способ выполнения и понимания этого закона, который мог бы быть хорошим, является также одним из зол; максимум повсюду разный; сырые материалы для фабрик расцениваются по более высокому максимуму в одном месте, чем готовые изделия из них же в другом. Например, в Эльбефе необработанная шерсть продается по столько-то за фунт; в Дижоне же эльбефское сукно продается много дешевле. Другой пример: гаврский муниципалитет таксировал сахар в 26 су, в Шалоне он стоит 30, в Турню, муниципалитете Шалонского округа, коммунальные комиссары установили на него таксу в 28 су: Здесь установлен максимум на яблоки и груши, а кое-где даже на орехи. В одном месте вынужден продавать по максимуму свой хлеб земледелец, вино - винодел; в другом - торговец бельем и платьем, обувью и материями.

Что же происходит? Земледелец привозит вытребованное у него зерно; он хочет купить платье, но не находит больше сукна: торгующая им лавка закрыта. Винодел, скрепя сердце, продает свое вино по 12 су последних плохих годов и встречает отказ в белье. Зреет глухое негодование; ненависть и нищета свивают себе гнездо среди граждан, а аристократы наряжаются, покупают сласти, полотна, материи и пр. и наслаждаются жизнью; все они преклоняются перед Конвентом за максимум. Таким образом, коллеги, добро, благодаря его плохой подготовке, создает зло; таким образом, благодаря готовившим добро рукам лекарство, которое должно было вызвать целительный кризис у изнемогающего больного, причиняет ему лютый голод и ужасное раздражение и при отсутствии спешных мер может довести его до жесточайших конвульсий, а вы ведь врачи.

Другой предмет: почтовая служба повсюду хромает, и без применения самых спешных, справедливых и в то же время строгих мер, эта часть государственного управления совсем рухнет. Нужно приструнить содержателей почты и в то же самое время помочь им.

Нужно их поддержать и наказывать. Все по дороге говорили мне, что не могли найти овса, а без овса нет лошадей.

Так пусть же декрет предпишет муниципалитетам производить реквизицию овса, чтобы обеспечить себя им, и пусть это будет строго проводиться в жизнь!

Но нужно сделать так, чтобы эти хозяева почты, занимающиеся во многих департаментах земледелием, не могли быть скупщиками, и чтобы они не использовали хитроумно максимум, что я подозреваю и в то же время вдруг появившегося единогласия, с каким они поведали мне о своем положении. Это делает их мне подозрительными.

Пусть они будут обязаны, под страхом суровых кар, иметь предписанное число лошадей; пусть ежемесячно отсылаются в округа, ведомости об этом, а также пусть делается проверка на месте.

И пусть они покажут количество обрабатываемых ими земель и собранных с них хлебов, в особенности овса; пусть их обяжут доказать сделанное ими употребление из их зерна за последние два года; сообразно с этими данными и надлежит действовать; таким способом как раз и будет оказано содействие хорошим содержателям почты, и в этой области государственного управления мы перестанем быть жертвою мошенников и аристократов, доставляющих из своей среды слишком много содержателей почты для Республики.

С братским приветом
Альбитт

**Из декрета 3-4 вантоза (21-22 февраля 1794 г.),
дополняющего закон о максимуме**

Национальный Конвент, заслушав доклад Комитета Общественного Спасения, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Цены на все продукты и товары, подчиненные действию закона о максимуме, в местах их собирания или производства, указаны в таблицах максимальных цен, утвержденных комиссией по продовольствию и снабжению Республики.

Ст. 3. Национальный агент каждого дистрикта обязан, не позднее десятидневного срока со дня получения таблицы, определить в зависимости от расстояния расходы на перевозку каждого сорта товаров, потребляемого в данном дистрикте, согласно основаниям, установленным нижеследующей ст. 4 настоящего декрета.

Ст. 4. Составленный национальным агентом список будет включать в себе нижеследующее:

- 1) Названия предметов и товаров, обычно потребляемых жителями данного дистрикта.
- 2) Указание мест собирания или производства упомянутых выше предметов.
- 3) Расстояние от административного центра данного департамента.
- 4) Максимальные цены на изделия и продукты, соответственно взятые из посланных комиссией по продовольствию, и снабжению таблиц.
- 5) Смету расходов по перевозке, составленную согласно оснований, изложенных в нижеследующих статьях настоящего декрета.
- 6) Для определения максимальных цен в отношении оптовых торговцев, к указанным выше двум цифрам будет прибавлено 5% в качестве прибыли, а для розничных торговцев - еще 10%.

Ст. 5. Расходы на перевозку зерна и фуража, установленные ст. 15-й III отдела закона И сентября в размере пяти су с почтовой мили большой дороги и шести су с проселочной, будут уменьшены до четырех су и восьми денье с почтовой мили для большой дороги и пяти су - для проселочной.

Ст. 6. Расходы на перевозку всякого рода съестных припасов и товаров водным путем определяются в размере 4 су за центнер с каждой почтовой мили большой дороги; для проселочных дорог будет установлена плата в четыре су восемь денье.

Ст. 7. Расходы на перевозку всякого рода съестных припасов и товаров водным путем определяются в размере двух су вверх по течению и девяти су вниз по течению; для перевозок же по каналам устанавливается цена в один су девять денье с мили. Расстояние водного пути определяется количеством почтовых лье сухопутного пути от места отправления до места назначения.

От 8. Национальные агенты дистриктов укажут в таблице товаров те из них, которые могут быть доставлены водным путем, и расходы по перевозке коих будут вследствие этого учитываться лишь в соответствующих размерах; лишь в случае полной невозможности водной перевозки они будут иметь право принимать во внимание расходы по перевозке сухопутным путем.

Ст. 9. Указанные выше ставки расходов по перевозке не применяются в отношении дров и угля, перевозка которых должна исчисляться в центнерах.

Национальным агентам дистриктов мест потребления этих товаров поручается исчисление расходов по их перевозке, подлежащих включению в их стоимость, причем за основание должны быть приняты цены за перевозку в 1790 г. с прибавлением к ним 50%.

Ст. 10. Пункты прибытия всех заграничных продуктов и товаров будут рассматривать как пункты их собирания или производства.